

УДК 347.736

Пыльнев Юрий Алексеевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Высшая школа государственного аудита

Россия, Москва

Yurapylnev@gmail.com

Pylnev Yury

Lomonosov Moscow State University

Higher School of Public Audit

Russia, Moscow

РАВНОВЕСИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ЦЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Аннотация: в настоящей статье автором рассматривается проблема соотношения частных и публичных интересов в правовом регулировании несостоятельности и банкротства. Субординации требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве). Данная проблема, а также взаимосвязь между интересами частных лиц и общества, продемонстрированы на примерах регулирования очередности удовлетворения задолженности по обязательным платежам, применения концепции снятия корпоративной вуали.

Ключевые слова: институт несостоятельности (банкротства), публичный интерес, обязательные платежи, аффилированные с должником лица, контролируемое банкротство, очередность удовлетворения требований кредиторов.

THE BALANCE OF PRIVATE AND PUBLIC INTEREST AS AN OBJECTIVE OF MODERN BANKRUPTCY LAW

Annotation: in this article the author considers the problem of correlation between private and public interests in the legal regulation of insolvency and bankruptcy. subordination of creditors' claims in cases of insolvency (bankruptcy). This problem, as well as the relationship between private and public interests, is demonstrated on the examples of the regulation of the order of satisfaction of debts on obligatory payments, the application of the concept of removing the corporate veil.

Key words: bankruptcy, public interest, obligatory payments, persons affiliated with the debtor, controlled bankruptcy, priority of satisfaction of creditors' claims.

Современное законодательство о несостоятельности и банкротстве не закрепляет как таковых основных начал. На правоотношения, связанные с неплатежеспособностью должника, распространяются общие принципы конституционного права, гражданского права и арбитражного процесса. Вместе с тем сфера несостоятельности и банкротства на протяжении всей истории правовой мысли находится в состоянии поиска баланса частных и публичных интересов. Как уже отмечено, ординарное гражданское правоотношение не способно разрешить конфликт, возникающий между неоплатным должником и кредиторами. Государство было вынуждено вмешаться в данные гражданские правоотношения, закрепив специальные нормы права, направленные на урегулирование отношений несостоятельности и банкротства.

Как известно, субъектный состав отношений несостоятельности и банкротства характеризуется как сложный. Указанная сложность заключается не только в множественности субъектов правоотношений, находящихся в состоянии конфликта. Такая особенность отношений, связанных с неплатёжеспособностью должника, позволяет также говорить и о множественности интересов [1, с. 4], кристаллизующихся при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве) и в принципе при построении модели правового регулирования данных отношений.

Частная сторона сущности отношений несостоятельности и банкротства понятна и объясняется гражданско-правовой природой исходных отношений, возникающих между кредиторами и должников. К примеру, такие обязательства появляются при заключении кредитного договора или из задолженности по договору поставки. Существование публичных интересов и необходимость их учета объясняется следующими факторами: многообразие правовых форм участия государства в деле о несостоятельности (в качестве кредитора из гражданско-правовых обязательств, по обязательным платежам, в лице уполномоченного органа); необходимость обеспечения баланса интересов между всеми участниками правоотношений, связанных с банкротством; наличие общего социального интереса, предопределяющего учет прав работников банкротящегося должника, а также включение в законодательство реабилитационных процедур. Вмешательство государства следует расценивать как средство по обеспечению стабильности, сбалансированности прав и интересов субъектов, вступающих в гражданские правоотношения, а также экономической системы в целом.

Публичные и частные интересы тесно взаимосвязаны в правовом регулировании несостоятельности и банкротства, их соотношение носит сложный характер. По сути изначальные частные правоотношения между кредиторами и должником отягощены государственным вмешательством, призванным провести в данных отношениях публичный интерес. Как отмечает С.А. Карелина, рассуждая о степени вмешательства государства в частные правоотношения, необходимо исходить из того, что в основе такого вмешательства должен лежать принцип разумного баланса публичного и частного интереса [1, с. 5]. Хотя некоторые представители доктрины негативно оценивают в принципе вмешательство государство в частные отношения. Так, В.Ф. Попондопуло занимает твердую позицию в вопросе о «государственном вмешательстве» в отношениях, возникающих в связи с несостоятельностью, подчеркивая их частно-правовую природу [2].

Тезис о разумном балансе частного и публичного в правовом регулировании несостоятельности и банкротстве даже в отсутствие прямого законодательного закрепления поддерживается и судебной практикой. Так, при проверке конституционности тех или иных положений законодательства о несостоятельности и банкротстве Конституционный суд Российской Федерации ссылается на принцип обеспечения баланса между частными и публичными интересами. К примеру, при рассмотрении одного из заявлений о нарушении конституционных прав и свободой нормой закона было указано, что передача муниципальным образованиям жилищного фонда социального использования, детских дошкольных учреждений и объектов коммунальной инфраструктуры, жизненно необходимых для субъекта Российской Федерации, без выплаты должникам-собственникам, находящимся в процедурах банкротства, должна сопровождаться разумной, справедливой компенсацией, обеспечивающей баланс между публичными и частными интересами [3].

С возрождением института несостоятельности и банкротства физических лиц, так называемого потребительского банкротства, возник вопрос о соотношении частных интересов гражданина, выражающихся в том числе в праве на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, праве на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, и публичных интересов, воплощенных в механизме правового регулирования несостоятельности и банкротства. По данной тематике высказался при рассмотрении одного из дел Верховный Суд Российской Федерации: с одной стороны, финансовый управляющий в деле о несостоятельности (банкротстве) вправе получать информацию об имуществе должника с истребованием необходимых сведений непосредственно у гражданина, с другой стороны, финансовый управляющий уполномочен также обращаться с соответствующим ходатайством в арбитражный суд, рассматривающий дело о несостоятельности (банкротстве) должника-гражданина [4]. Указанная конструкция, по мнению высшей судебной

инстанции, создает баланс между правами финансового управляющего, олицетворяющего и призванного проводить публичный интерес, на получение необходимых для реализации его функций сведений и частными правами граждан, закрепленных на конституционном уровне, на их личную и семейную тайну.

Рассматривая одну из кассационных жалоб субъекта естественной монополии по существу Верховный Суд Российской Федерации также использовал вышеприведенную аргументацию. Судебная коллегия по экономическим спорам указала, что формальный подход антимонопольного органа к решению вопроса о принятии заявления о досудебном урегулировании спора с участием субъекта естественной монополии привел к нарушению баланса частных и публичных интересов [5]. Из материалов дела следует, что антимонопольный орган при первой подаче упомянутого заявления не принял его в срок, что повлекло повторную подачу такого заявления уже за рамками установленного законом срока. Антимонопольный орган отказался принимать данное заявления субъекта естественной монополии по формальной причине – пропуск срока для подачи заявления.

Уже сказано, что в основе отношений несостоятельности и банкротства лежит конфликт между их субъектами, вместе с тем в доктрине общепризнанно, что в глубине данных правоотношений находится самый настоящий социально-экономический кризис. Социально-экономический кризис присущ рыночной системе, на основе которой строится современная экономика Российской Федерации, и является ключевым фактором столкновения интересов различных участников гражданского оборота.

Природа интересов, проявляющихся в правоотношениях, связанных с неплатежеспособностью должника, заключается в том, что они являются следствием этих отношений, имеющих гражданско-правовой, имущественный характер.

В основе упомянутых интересов находятся потребности субъектов рассматриваемых правоотношений. Таким образом, конфликтность отношений между лицами, участвующими в процессе по делу о несостоятельности (банкротстве) предопределена и заложена в самой природе таких отношений. Поэтому законодатель имеет очень сложную задачу по установлению такого правового порядка, который бы наилучшим образом обеспечивал права и интересы граждан, занимающихся экономической деятельностью, и в то же время отвечал интересам общества в целом.

Представляется, что в настоящий момент правоприменение норм банкротного законодательства имеет ряд существенных проблем в части обеспечения прав и законных интересов участников гражданского оборота.

В качестве примера неоднозначной судебной практики уместно привести новый подход Верховного Суда Российской Федерации в определении очередности удовлетворения требований кредиторов по обязательным платежам.

Согласно утвердившейся судебной практике [6], долги по обязательным платежам относят к реестровой или текущей задолженности в зависимости от момента истечения отчетного периода, итогом которого стало образование долга. Так, если окончание налогового периода наступило после принятия заявления об инициировании процесса банкротства, у суда появляются основания для отнесения задолженности к текущей. Следовательно, налоги, начисленные, среди прочего, вследствие наличия и/или использования имущества должника (земельный налог, налог на имущество, налог на добавленную стоимость и другие) считаются текущими платежами.

Законом (п. 1 ст. 134) предусмотрен специальный порядок погашения задолженности из текущих платежей – они удовлетворяются вне очереди [7]. Такое регулирование представляется одним из примеров защиты законодателем публичных интересов. Однако известно, что залоговые кредиторы всегда занимали особое положение [8, с. 203], пользовались более широкими, по

сравнению с иными кредиторами, правами. Указанное отношение правового регулирования к кредиторам, чьи требования обеспечены, характерно для многих развитых правовых систем. Объяснить особое положение залогового кредитора возможно тем, что обеспечение исполнения обязательства не появляется просто так – усилия кредитора, пожелавшего обезопасить себя от кредитных рисков, послужили возникновению залога [9, с. 146]. Так, в современном отечественном законодательстве установлен специальный порядок удовлетворения требований залоговых кредиторов (ст. 138) [7] – задолженность обанкротившегося перед такими кредиторами преимущественно погашается из средств, полученных от продажи залогового имущества. Возникает вопрос об очередности погашения задолженности из текущих платежей и требований залогового кредитора.

Ответ на поставленный вопрос дан законодателем (п. 5 ст. 18.1) [7]. Впоследствии формулировка закона была разъяснена в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации ещё в 2009 году [10]. Следует обратить внимание, что данный акт судебного толкования является действующим. В нём прямо указано (п. 7), что до удовлетворения требований залогового кредитора вырученные от продажи предмета залога средства не могут быть направлены на погашение задолженности по текущим платежам. Таким образом, в действующем законодательстве в распределении средств, полученных от реализации залогового имущества, установлен приоритет требований залогового кредитора. Единственным исключением являются затраты, понесенные на сохранение залогового имущества и на реализацию предмета залога, – они покрываются за счет вырученных средств до их выплаты залоговому кредитору (п. 6 ст. 138) [7].

Указанное толкование норм права было подтверждено в Постановлении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по делу № А63-23451/2008 [11]. В данном обособленном споре конкурсный управляющий должника предпринял попытку погасить задолженность по текущим платежам

(налог на добавленную стоимость) за счет средств, вырученных от продажи предмета залога до выплаты в полном объеме суммы, причитающейся залоговому кредитору. Надзорная инстанция отменила акты нижестоящих судов, которые заняли позицию управляющего. Суд указал, что права кредитора и очередность удовлетворения требований, установленная законом, в данном случае были нарушены.

Теперь же обратимся к новой практике применения Верховного Суда Российской Федерации вышерассмотренных норм. В одном из дел конкурсным управляющим должника была предпринята аналогичная вышеупомянутой попытка погасить задолженность по текущим платежам в нарушение преимущественного права залогового кредитора. К тому времени в судебной практике сформировался единообразный подход в изучаемом вопросе. Первая, апелляционная, кассационная инстанции отказали конкурсному управляющему, указав на нарушение закона и прав кредитора, чьи требования обеспечены. К удивлению, Верховный Суд Российской Федерации отменил акты нижестоящих инстанций. В своем Определении высший судебный орган указал, что налог на добавленную стоимость по арендным платежам (текущие платежи) необходимо рассматривать как затраты, понесенные на реализацию предмета залога [12] ...

Аналогичным образом (с отменой актов нижестоящих инстанций) в 2021 году при рассмотрении обособленных споров в делах о банкротстве № А40-48943/2015 [13], А53-32531/2016 своими Определениями Верховный Суд Российской Федерации приравнял также долги из земельного налога, налога на имущество, страховых взносов, которые относятся к текущим платежам, к затратам, понесенным на реализацию предмета залога [14]. Такая трактовка позволила взыскать перечисленные текущие платежи в обход преимущественного права залогового кредитора из средств, вырученных от реализации предмета залога.

Представляется, что проанализированный подход Верховного Суда Российской Федерации находится в противоречии с утвердившейся судебной практикой, которая начинала формироваться под влиянием Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Что ещё более тревожно, рассмотренные правовые позиции Верховного суда Российской Федерации, выходя за пределы законодательства, приводят к нарушению прав субъектов экономической деятельности (залоговых кредиторов), расшатывают установленную очередность удовлетворения требований кредиторов.

В продолжение тезиса о несовершенстве в обеспечении прав и интересов граждан, занимающихся экономической деятельностью, действующих институтов законодательства о несостоятельности (банкротстве) рассмотрим некоторые аспекты снятия корпоративной вуали в отечественном правопорядке.

Изначально механизм снятия корпоративных покровов использовался в странах, относящихся к англо-саксонской правовой семье [15, с. 191]. Подобный инструмент представляет собой в целом уход от правила о разделении имущества организации от имущества его контролирующих лиц (участников, членов органов управления). Главным постулатом указанной юридической модели является возможность субсидиарного привлечения участников, членов органов управления и иных лиц, контролирующих юридическое лицо, ответственности гражданско-правового характера.

Как указывает И.С. Шиткина [16, с. 9], положения о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц следует расценивать в качестве реализации в отечественной правовой системе идеи о снятии корпоративных покровов. Вместе с тем подобные меры в некотором роде умаляют саму концепцию ведения бизнеса через юридическое лицо.

Таким образом, представляется, что вмешательство государства в частные отношения, складывающиеся между кредиторами и должником, обоснованно и объясняется необходимостью урегулировать конфликт между

указанными субъектами. В российской доктрине и судебной практике в полной мере признается принцип разумного баланса интересов между частными и публичными интересами лиц, являющихся участниками правоотношений несостоятельности и банкротства.

Список литературы:

1. Карелина С.А. К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) // Вестник арбитражной практики, № 2 (75), 2018. – С. 3-9.

2. Попондопуло В.Ф. Российское законодательство о банкротстве в современных условиях. / Из устного выступления на Международной научно-практической конференции «Законодательство о несостоятельности (банкротстве): преемственность и новации» (21.10.2022).

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от «23» апреля 2013 года № 640-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества открытого типа «Фирма «Машстрой» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 5 и 6 статьи 132 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс] // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision131093.pdf> (дата обращения: 24.04.2023).

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от «14» декабря 2020 года № 307-ЭС20-19211 по делу № А13-4187/2020. [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/99d3ca61-cb2f-4213-85cd-bb2a083ee515/ea5f62b7-556e-4c15-a0a9-a704f9093168/A13-4187-2020_20201214_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.04.2023).

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от «04» мая 2017 года № 305-КГ16-20368 по делу № А40-227679/2015. [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b06800a5-6982-485d-9e58->

65d51e347ac7/01966ddc-e5d9-4dcb-b367-a67ff28967f6/A40-227679-

2015_20170502_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.04.2023).

6. «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации «20» декабря 2016 года). [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/15183/> (дата обращения: 24.04.2023).

7. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от «26» октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от «28» октября 2002 г., № 43, ст. 4190.

8. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право / [Соч.] Проф. Казан. ун-та Г.Ф. Шершеневича // 2-е изд. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1898. – 494 с.

9. Blum В.А. Bankruptcy and debtor/creditor: examples and explanations, Fourth Edition / Aspen Publishers: New York, 2006. – 598 с.

10. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от «23» июля 2009 года № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя». [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/arbitration/18535/> (дата обращения: 24.04.2023).

11. Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от «21» июня 2011 года № 439/11 по делу № А63-23451/2008. [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1eb61912-8dfc-4455-82f6-26f7236919f2/6426b815-df33-49da-b049-64f3b119db87/A63-23451-2008_20110621_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.04.2023).

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от «19» октября 2020 года № 305-ЭС20-10152 по делу № А40-46117/2019. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1935556 (дата обращения: 24.04.2023).

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от «08» апреля 2021 года № 305-ЭС20-20287 по делу № А40-48943/2015. [Электронный ресурс] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/bc0af0f2-17fe-4fdd-b968-060b124fcb2d/2e3116cf-7f19-4ad1-afbf-bfbf831af175/A40-48943-2015_20210409_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.04.2023).
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от «08» июля 2021 года № 308-ЭС18-21050 по делу № А53-32531/2016. [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_es.php?id=2015722 (дата обращения: 24.04.2023).
15. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право – М.: Статут, 2014. – 456. с.
16. Шиткина И.С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве) // Журнал «Хозяйство и право», № 8, 2017. – С. 9.